

С. Оатс Университет Глазго, Шотландия, г. Глазго, G12 8QQ
e-mail: soates@umd.edu

НЕОСОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ МЕДИА (ЧАСТЬ 2)¹

В предыдущем номере нашего журнала (Вестник КазНУ, Серия Журналистика, №2 (68) 2023, С. 16–28), читателям впервые был представлен перевод с английского языка первой части программной статьи Сары Оатс «Неосоветская модель медиа», вышедшей в 2007 году в журнале «Europe-Asia Studies» (Sarah Oates, 2007)². Также было опубликовано Предисловие научного редактора перевода, профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве, С.Г. Давыдова, предлагающее научное осмысление и критический взгляд на методику исследования, а также теоретические и исторические контексты научных дискуссий о нормативных теориях медиа середины нулевых годов³.

В текущем номере вниманию читателей предлагается перевод второй (заключительной) части статьи Сары Оатс, в которой, согласно аннотации автора, «исследуется генезис неосоветской модели средств массовой информации. На основе результатов изучения российских медиа в постсоветский период, а также обзора их деятельности во время выборов в указанном регионе, в статье делается вывод о том, что российские медиа в настоящее время функционируют в «неосоветском» ключе. В число факторов, формирующих эту модель медиа, входят отказ от сбалансированного подхода или объективности; наличие изъянов в законодательстве, регулирующем деятельность медиа; самоцензура; вмешательство государства и давление на СМИ; недостаток профессионализма в журналистской среде; а также атмосфера насилия в отношении журналистов. Кроме того, при переходе от советской к неосоветской модели имеет место преемственность в том, как медиа воспринимаются их аудиторией».

Ключевые слова: Сара Оатс, неосоветская модель медиа, медиасистема, цензура, постсоветское пространство, контент-анализ.

S. Oates

University of Glasgow, Scotland, Glasgow, G12 8QQ
e-mail: soates@umd.edu

Neo-soviet media model (Part 2)

In the previous issue of our scientific journal (Herald of KazNU, Journalism Series, No. 2 (68) 2023, pp. 16–28) the translation from English of the first part of Sarah Oates's program article "The Neo-Soviet Media Model," published in 2007 in the journal "Europe-Asia Studies" (Sarah Oates, 2007) was first presented to the readers.

Also the "Foreword by the scientific editor of the translation, professor of National Research University "Higher School of Economics" in Moscow, S.G. Davydov was published. It contained deeper scientific understanding and a critical view at methodology of the research, as well as the theoretical and historical contexts of scientific discussions about normative media theories of the 2000s.

In the current issue, readers are offered the translation of the second (final) part of Sarah Oates's article, in which, according to the author's annotation, "explores the genesis of the neo-Soviet media model. Based on the results of the study of Russian media in the post-Soviet period, as well as a review of their activities during elections in the above region, the article concludes that Russian media currently operate in a "neo-Soviet" manner. Factors shaping this media model include the rejection of a balanced approach or objectivity; the presence of flaws in the legislation regulating the activities of the media; self-censorship; state interference and pressure on the media; lack of professionalism in the journalistic environment; and an atmosphere of violence against journalists. Furthermore, in the transition from the Soviet to the neo-Soviet model, there is continuity in how the media are perceived by their audience."

Keywords: Sarah Oates, neo-Soviet media model, media system, censorship, post-Soviet space, content analysis.

¹ Перевод с английского Р.А. Телешуна. Научный редактор перевода С.Г. Давыдов

² Sarah Oates (2007) The neo-Soviet model of the media, *Europe-Asia Studies*, 59:8, 1279-1297, DOI: 10.1080/09668130701655150. © 2007 Университет Глазго, перепечатано с разрешения Taylor & Francis Ltd, <http://www.tandfonline.com> от имени Университета Глазго.

³ Давыдов С.Г. «О Саре Оатс и ее неосоветской модели медиа. Предисловие научного редактора перевода». Хабаршы. Журналистика сериясы. No2 (68) 2023. <https://bulletin-journalism.kaznu.kz/index.php/1-journal/article/view/1705/1352>

С. Оатс

Глазго университеті, Шотландия, Глазго, G12 8QQ
e-mail: soates@umd.edu

Нео-кеңестік медиа моделі (2 бөлім)

Журналымыздың алдыңғы санында (ҚазҰУ хабаршысы, Журналистика сериясы, №2 (68) 2023, 16–28 б.) оқырмандарға алғаш рет 2007 жылы «Europe-Asia Studies» журналында (Sarah Oates, 2007) шыққан Сара Оатстың «Нео-кеңестік медиа моделі» бағдарламалық мақаласының бірінші бөлігінің ағылшын тілінен аудармасы ұсынылған болатын. Сондай-ақ аударманың ғылыми редакторы, Мәскеудегі «Жоғары экономика мектебі» ұлттық зерттеу университетінің профессоры С.Г. Давыдовтың алғысөзі жарияланды, ол зерттеу әдістемесіне ғылыми пайыммен және сыни көзқараспен қарауды ұсынады, сонымен қатар нәлдік кезеңдегі медианың нормативтік теориялары туралы ғылыми пікірталастардың теориялық және тарихи негіздемелерін алға тартады.

Ағымдағы нөмірде оқырмандардың назарына Сара Оатс мақаласының екінші (қорытынды) бөлігінің аудармасы ұсынылады, онда автордың аннотациясына сәйкес, «бұқаралық ақпарат құралдарының кеңестік емес моделінің» генезисі зерттеледі. Посткеңестік кезеңдегі ресейлік медианы зерттеу нәтижелері, сондай-ақ осы аймақтағы сайлау кезіндегі олардың қызметіне шолу негізінде мақалада ресейлік медиа қазіргі уақытта «нео-кеңестік» негізде жұмыс істейді деген қорытынды жасалады. Медианың осы моделін қалыптастыратын факторларға: теңдестірілген тәсілден немесе объективтіліктен бас тарту; медиа қызметін реттейтін заңнамада кемшіліктердің болуы; жеке бас цензурасы; мемлекеттің араласуы және БАҚ-қа қысым жасау; журналистік ортада кәсібиліктің болмауы; сондай-ақ журналистерге қатысты зорлық-зомбылық атмосферасы жатады. Сонымен қатар, кеңестік модельден кеңестік емес модельге көшу кезінде бұқаралық ақпарат құралдарын өз аудиториясы қалай қабылдайтындығы бағытында сабақтастық бар.

Түйін сөздер: Сара Оатс, Нео-кеңестік медиа моделі, медиа жүйе, цензура, посткеңестік кеңестік, мазмұндық талдау.

Введение

Анализ медийной деятельности на постсоветском пространстве. В предыдущем разделе было представлено текущее состояние медиа в России и обозначены несколько факторов, препятствующих их вкладу в формирование гражданского общества. Но для какого периода эти проблемы более симптоматичны - для российского политического настоящего или для советского прошлого? Чтобы ответить на этот вопрос, далее мы обратимся к данным о деятельности постсоветских медиа. Эти данные получены в ходе анализа отчетов по мониторингу медиа в ходе 18 электоральных кампаний, проходивших в России с 1993 по 2002 гг., а также аналогичных отчетов из Армении, Беларуси, Молдовы и Украины (Oates, 2004).⁴ Сведения

⁴ Указанные отчеты были подготовлены Европейским институтом средств массовой информации, действовавшим ранее в Дюссельдорфе, Германия. Они были собраны и проанализированы автором при финансовой поддержке исследовательской стипендии Левверхалма. Архив отчетов можно найти в Интернете по ссылке: <http://www.media-politics.com/eimreports.htm>, последнее обращение 22 мая 2007 г. Они оценивались путем выявления наличия определенных проблем (таких как взяточничество, насилие и цензура) по шкале от нуля (отсутствует) до четырех (обширные свидетельства присутствия). Кодирование информации, содержащейся в отчетах, было проведено автором. Проверка согласованности кодирования была осуществлена доктором Джиллиан МакКормак, ранее работавшей в Европейском институте средств массовой информации.

о медийной деятельности, содержащиеся в отчетах, прошли оценку по целому ряду параметров, в результате чего был выявлен ряд общих проблем, характерных для всего региона. Основные выводы кратко изложены ниже.

Материалы и методы

Предвзятость. В деятельности медиа всех пяти стран была отмечена постоянно присутствующая предвзятость, несколько усилившаяся с 1993 по 2002 гг. Эти выводы представляются особенно убедительными, поскольку отчеты Европейского института средств массовой информации, использованные в анализе, подкреплены тщательными количественными измерениями эфирного времени и печатных площадей, отведенных всем основным партиям и кандидатам на выборах. Предвзятость имеет место практически во всех типах медиа по всему миру, но она гораздо менее ощутима и распространена, чем в постсоветских странах, особенно на государственных телеканалах.

Цензура. Здесь мы наблюдаем определенные вариации. В ходе четырех из 18 выборных кампаний — на президентских выборах в Армении в 1998 г., парламентских выборах в Армении в 1999 г., парламентских выборах в Молдове в

1994 г. и парламентских выборах в России в 1999 г. не было выявлено никаких признаков цензуры. Однако очевидно, что по крайней мере на некоторых из этих выборов, особенно на выборах 1999 г. в России, в отсутствие цензуры сверху вниз имела место самоцензура. Действительно, в полученных результатах наблюдается статистически значимая корреляция между данными о наличии цензуры и самоцензуры. В остальных случаях мы видим огромную вариативность присутствия цензуры: от малозаметных проявлений на парламентских выборах 1995 г. в России до практически всеобъемлющей цензуры на президентских выборах 2001 г. в Беларуси. На этом основании можно сделать вывод, что цензура — лишь один из инструментов, используемых властями в попытке контролировать медиа.

Влияние властей. Статистический анализ данных показал, что по сравнению со старомодным советским стилем цензуры данная проблема является более распространенной. В результате проведенного анализа для половины электоральных кампаний были получены свидетельства, подтверждающие влияние органов власти на всю медиасистему. Ещё по пяти кампаниям было собрано большое количество данных, свидетельствующих о том, что вмешательство властей было серьезной проблемой. И только в случае российских выборов 1993 г. практически не было информации о вмешательстве властей. Проблема усугубляется тем, что согласно полученным данным, вмешательство властей довольно сильно коррелирует с самоцензурой. Это позволяет предположить, что влияние органов власти ведет к своего рода «обучению» журналистов, а также к прямому управлению ими для обеспечения поддержки действующей власти.

Влияние коммерческих структур. Угроза влияния коммерческих структур на медиаконтент — одна из проблем, привнесенных рынком в постсоветскую медиасистему. В отчетах о девяти электоральных кампаниях (в Армении, Беларуси, молдавских парламентских выборах 1994 г. и парламентских выборах 1993 г. в России) отсутствуют свидетельства такого влияния. Это представляется логичным, поскольку на тот момент мощных коммерческих медиа было мало или же не было совсем. Действительно, влиятельная российская коммерческая телекомпания НТВ, по сути, еще не работала во время выборов 1993 г. Однако, как было сказано выше, коммерческие телеканалы демонстрировали значительную предвзятость, особенно во время переиз-

брана Бориса Ельцина в 1996 г. Таким образом, указанные страны постсоветского пространства переняли худшие черты обеих сторон. Вместо того, чтобы уравнивать предвзятость государственных медиа, коммерческие медиа часто порождают собственную предвзятость.

Результаты и обсуждение.

Недостаток журналистского профессионализма. Комментарии журналистов и наблюдения аналитиков подтверждают мнение о том, что многие постсоветские журналисты не верят в возможность сбалансированного и объективного представления информации. Они воспринимают свои издания скорее как политических игроков, чем как политических наблюдателей. Таким образом, искажение новостей, использование «черного пиара», игнорирование одних политических игроков и преувеличение ценности других рассматриваются в качестве приемлемых действий для журналистов. Это также способствует широкому распространению взяточничества и «скрытой» рекламы, когда проплаченная политическая реклама подается в виде новостей. Неудивительно, что свидетельства недостатка журналистского профессионализма в определенной степени коррелируют с вмешательством органов власти и самоцензурой.

Изъяны законодательства, регулирующего медийную деятельность. В некоторых странах сразу после распада Советского Союза законодательство, регулирующее медийную деятельность, было крайне несовершенным. В Беларуси, например, в период электоральной кампании 1994 г. практически отсутствовали современные законы, регулирующие процесс выборов и их освещения в медиа. Следует отметить, что ситуация в Беларуси так и не улучшилась, поскольку вновь принимаемые законы часто были направлены на контроль над средствами массовой информации, а не на предоставление им возможности должным образом освещать выборы. В других странах с законодательством было меньше проблем. Однако, наблюдатели Европейского института СМИ во всех своих отчетах отмечают, что неблагоприятный климат для освещения выборов был создан не столько отсутствием законов, сколько плохим правоприменением.

Проблемы финансирования СМИ. Из пяти стран, рассмотренных в этой части исследования, в наибольшей степени столкнулись с экономическими трудностями массмедиа Армении.

Это неудивительно, поскольку экономические проблемы в этой стране стояли особенно остро даже для постсоветского пространства. Однако, в отчетах Европейского института средств массовой информации проблемы с финансированием отмечены во всем регионе. Ситуация, по-видимому, остается относительно статичной, хотя российский медиарынок сильно пострадал от экономического кризиса в конце 1990-х гг., что нашло отражение в отчетах о российских выборах в 1999 и 2000 гг.

Давление на медиа. В данном случае наблюдаются серьезные различия между странами. В ходе 10 исследуемых электоральных кампаний давление на медиа либо не было отмечено вообще, либо было зафиксировано на весьма низком уровне. В то же время, в Беларуси давление на журналистов было необычайно жестким. Кроме того, было множество свидетельств давления на украинские медиа в 1998 г. и на парламентских выборах 1995 г. в Армении. Неудивительно, что давление на медиа коррелирует с физическим насилием в отношении журналистов, преступлениями против журналистов, нарушением избирательных прав и цензурой. В отдельных случаях были небольшие сложности с кодированием информации, но общая идея заключалась в том, что «давление» на медиа принимает более широкую форму, чем простая цензура, и часто включает налоговые проверки, отказ в регистрации СМИ по сомнительным причинам или проблемы взаимодействия с государственными органами.

Нарушение избирательных прав посредством искажения медийных норм. В этом разделе рассматривались случаи взяточничества, скрытой рекламы, компромата, самоцензуры, преступлений и насильственных действий в отношении журналистов, с целью прийти к пониманию глубины и масштаба нарушения избирательных прав в ходе всех рассмотренных электоральных кампаний.

Взяточничество. В процессе кодирования информации о выборных кампаниях для 11 из них не было обнаружено свидетельств, подтверждающих случаи подкупа журналистов. Возможно, это связано с двумя проблемами. Во-первых, в процессе общения с постсоветскими журналистами очень сложно получить честную характеристику взяточничества. Кроме того, возможно, в ходе многих из этих кампаний более важная роль с точки зрения контроля над средствами массовой информации принадлежала не деньгам, а влиянию государства. Наиболь-

шее количество свидетельств взяточничества было зафиксировано в ходе выборных кампаний в России. Доказательства подкупа журналистов сильно коррелируют со скрытой рекламой (что неудивительно, поскольку она чаще всего приобретает незаконным образом за наличные деньги) и в меньшей степени - с компроматом.

Скрытая реклама. Как было отмечено выше, свидетельства о скрытой рекламе довольно тесно коррелируют со свидетельствами о взяточничестве. Начиная с 1995 г. это явно обозначилось как серьезная проблема в России, а также в Молдове и Украине. Возможно, наиболее тревожным моментом в отношении скрытой рекламы является то, что многие постсоветские журналисты считают ее нормальной практикой. Однако обычному читателю или зрителю довольно трудно провести различие между «купленным» и обычным новостями. В некоторых постсоветских странах журналисты даже выступают в защиту скрытой рекламы, утверждая, что сегодня покупаются практически все новостные сообщения.

Компромат. Это явление особенно характерно для постсоветского пространства. Компромат, аббревиатура от словосочетания «компрометирующие материалы», представляет собой тип искажения информации, специфичный для постсоветской медиасферы. По сути, это «поливание грязью» со стороны журналистов, череда быстро сменяющихся обвинений в адрес политических деятелей без какого-либо противоядия или ответа со стороны обвиняемых. Это выходит далеко за рамки простого распространения нелепых слухов о противнике. Компромат зачастую подразумевает использование сомнительных фактов и цифр, иногда содержащих какую-то долю истины, а иногда и абсолютно беспочвенных. Классическим примером компромата был шквал новостных материалов о мэре Москвы Юрии Лужкове, запущенный комментатором Первого канала Сергеем Доренко в 1999 г. (включая инсинуации о том, что Лужков присвоил деньги, потраченные на строительство огромной дачи в Подмосковье). Типичный постсоветский компромат также обладает определенными развлекательными свойствами, основанными на грязных подробностях, слухах и полуправде, превращающихся в фантастические истории (например, утверждение о том, что кандидат в президенты России Григорий Явлинский перенес косметическую операцию). Компромат развивался и совершенствовался на протяжении

многих лет, приобретя особый размах на выборах в России в 1999 и 2000 гг. Фактически, данные анализа свидетельствуют о том, что либо компромат является сугубо российским явлением, захлестнувшим медиасистему в 1999 и 2000 гг., либо он не получил столь широкого освещения в отчетах Европейского института средств массовой информации о других электоральных компаниях.

Самоцензура. Самоцензура, по-видимому, достаточно широко распространена во всех исследуемых странах, за исключением Армении. Не похоже, чтобы самоцензура постоянно усиливалась с течением времени; скорее, она становится более жесткой на отдельных выборах (в частности, на молдавских парламентских выборах 1998 г.). Подобно взяточничеству, информация о самоцензуре является довольно сложной в плане кодирования. Однако многие постсоветские журналисты, способные к обезоруживающей откровенности в отношении своей профессии, признают, что практикуют самоцензуру, чтобы сохранить работу, а в некоторых случаях, и чтобы избежать физического насилия. В большинстве постсоветских обществ сформировалась культура, в которой достаточно четко определены границы допустимого самовыражения. Например, в России стало очевидно, что прямая, последовательная критика президента недопустима в крупных СМИ. С точки зрения свободы медиа, самоцензура является особенно тревожным и разрушительным явлением. Как отмечалось выше, данные о наличии самоцензуры сильно коррелируют с влиянием властей. Самоцензура также сильно коррелирует с преступлениями, что говорит о том, что она является частью атмосферы страха и контроля над журналистами.

Преступления. В данной категории были рассмотрены преступления против журналистов, не связанные с физическим насилием. Инциденты такого рода включали обыски редакций и кражи. В отчетах было очень мало данных о преступлениях против журналистов, что несколько расходится с отчетами таких организаций, как «Репортеры без границ» (Reporters Without Borders) и «Международная амнистия» (Amnesty International). Преступления против журналистов имели широкий характер только на парламентских выборах 1995 г. в Армении, а также на выборах в Беларуси в 1995 и 1996 гг. Как было отмечено выше, данные по преступлениям сильно коррелируют с данными о давлении на медиа и цензуре.

Физическое насилие. Международные неправительственные организации сообщают об огромном количестве случаев физического насилия в отношении журналистов бывшего Советского Союза, особенно в России и Украине. Хотя часть смертей была связана с освещением Чеченской войны, в России имели место многочисленные загадочные убийства и нападения на журналистов вдали от районов боевых действий. Одним из самых известных случаев проявления насилия в отношении сотрудников СМИ стало обнаружение обезглавленного тела интернет-журналиста Георгия Гонгадзе на Украине в 2000 г.⁵ Таким образом, свидетельств, подтверждающих применение насилия, существует достаточно много, по крайней мере в части региона, охваченного данным исследованием. Отчеты охватывали исключительно период выборов; тем не менее, при кодировании учитывалась вся информация о случаях насилия в отношении журналистов, содержащаяся в отчетах.

Использование постсоветских данных для построения постсоветской модели медиа. Ключевой вопрос заключается в том, есть ли принципиальные различия между советской и постсоветской медиасферами, и если да, то существует ли эффективная модель, которая может помочь нам понять роль медиа в постсоветской политической сфере. В этой модели мы рассматриваем только две краткие характеристики советской и постсоветской медиасфер. Для советской модели мы используем атрибуты, общие для всего советского периода. Хотя имели место различия, в частности, между сталинской эпохой и хрущевской «оттепелью», здесь мы рассматриваем модель, охватывающую атрибуты, являющиеся ключевыми на протяжении всего советского периода. Равным образом, постсоветская модель не отражает все относительное разнообразие медийных голосов, звучавших начиная с 1991 г. В частности, сейчас свободы медиа заметно меньше, чем в 1991 г. В данной связи, эта модель опирается на 2007 г. как на вторую точку отсчета для сбора данных. С целью проверки идеи о неосоветской модели медиа в Таблице 3 приводится сравнение ключевых компонентов советской и постсоветской медиасфер. Таблица сразу же выявляет несколько отличий. В новостных медиа советского периода не было «предвзятости».

⁵ Это вызвало политический скандал в Украине, союзников украинского президента Леонида Кучмы обвинили в организации исчезновения журналиста, хотя это так и не было доказано.

Скорее, напечатанный и переданный в эфир материал представлял советизированную версию реальности. Новости отбирались, редактировались и публиковались с целью поддержки советского мировоззрения и прогресса в достижении мирового коммунизма. В то же время советская аудитория развила способность извлекать из новостей релевантную информацию, в частности, когда сигналы о политических изменениях поступали через характер медийного освещения лидеров (или даже их расположения на трибуне на Красной площади). Хотя возможности медиа по обеспечению разнообразия в новостях

были ограничены, аудитория была настроена на то, чтобы улавливать сдвиги и изменения в политике по тому, каким образом были построены новостные сообщения. В этом отношении, советская аудитория все же получала значимую для себя информацию. С другой стороны, аудитория получала крайне мало информации, которая выходила бы за жесткие рамки и лекала Коммунистической партии Советского Союза. До появления Интернета и распада Советского государства в мире было мало источников информации, способных противостоять этому мировоззрению.

Таблица 1 - Сравнение советской и постсоветской медиасфер

	<i>Советские медиа до 1985</i>	<i>Постсоветские медиа на 2007 год</i>
Предвзятость	Практически безраздельный контроль над информационным потоком.	Сильная предвзятость в материалах, претендующих на статус «новостей».
Цензура	Развитая бюрократическая система цензуры, но при этом важную роль играла самоцензура.	Всеобъемлющая добровольная самоцензура, выработанная путем наказания репортеров и СМИ, бросающих вызов Кремлю по ключевым вопросам.
Влияние властей	Официально медиа были «органами» различных государственных и партийных институтов (хотя высшая власть/влияние принадлежали КПСС).	На официальном уровне в отношении государственных медиа; неофициальное, но очень сильное в отношении коммерческих медиа.
Влияние коммерческих структур	Фактор отсутствовал.	Сильное в отношении коммерческих медиа, по принципу «кто платит, тот и заказывает музыку».
Журналистика как профессия	Не существовала.	Не сформировалась.
Законодательство, регулирующее деятельность массмедиа	Медиа были органами пропаганды.	Существует, но является неполным и бесполезным с точки зрения защиты медиа как Четвертого сословия.
Защита свободы слова	Была в теории, но никогда на практике.	Есть в теории, но ограничена рамками, указанными выше и ниже.
Проблемы с финансированием	Полное субсидирование.	Недостаточное субсидирование; многие борются за существование на конкурентном рынке.
Давление на медиа	Не являлось проблемой. Все медиа были под контролем государства, за исключением очень незначительного количества подпольных редакций (<i>самиздат, тамиздат, зарубежное радио</i>).	Серьезная проблема, включая случаи закрытия СМИ в результате осуществления строгого контроля за соблюдением ряда законов (иногда противоречащих друг другу).
Физическое насилие в отношении журналистов	Не являлось проблемой. Хотя диссидентов сажали в тюрьмы и даже убивали в исправительно-трудовых лагерях, между советскими журналистами и советскими диссидентами существовало твердое различие.	Физическое насилие (вплоть до убийства) в отношении журналистов является распространённым явлением.
Аудитория	Субъекты, придерживавшиеся советского мировоззрения.	Субъекты, придерживающиеся российского мировоззрения.

Постсоветские медиа не подвергаются такой цензуре, как советские. Однако ключом к устойчивому функционированию советской пропагандистской системы была самоцензура. То же самое можно сказать сегодня о постсоветской

медиасистеме, в которой попытки журналистов использовать свое положение для оказания политического воздействия сегодня заканчиваются увольнением или даже, в худших случаях, физическим насилием и смертью.

Правда в том, что сейчас в России существует множество разнообразных СМИ, и многие из них свободно критикуют государственную власть. Тем не менее, очевидно, что альтернативные идеи, высказываемые в некоторых второстепенных российских СМИ, малоэффективны с политической точки зрения. Отчасти это связано с отсутствием в России социального капитала, что неудивительно в контексте существующих в стране жестких социальных, экономических и политических ограничений на формирование разного рода объединений. Если даже такие относительно влиятельные политические образования, как *Яблоко* и Коммунистическая партия Российской Федерации, постоянно подвергаются преследованиям, как можно рассчитывать на успех низового движения? Медиа не могут просто говорить о политических альтернативах и транслировать политические высказывания; в обществе должны быть институты, способные реализовывать эти идеи. Поскольку в России политические партии как эффективные политические институты потерпели явную неудачу (Smyth, 2006), надежда на значимую политическую консолидацию российских граждан невелика.

Кроме того, в советское время государственное «влияние» на медиа было практически всеохватывающим, тогда как в современной России оно более фрагментарное. Влияние коммерческих структур и вопросы финансирования, равно как и юридическая защита свободы слова, не являлись реальными факторами в Советском Союзе. Интересно отметить, что постсоветские журналисты, похоже, не только унаследовали контролирующие механизмы советского типа, но и сталкиваются с рядом дополнительных вызовов. К их числу относятся, например, сложности с финансированием в условиях подъемов и падений постсоветской экономики, хотя Качкаева и др. (2006) отмечают, что по-прежнему существует множество процветающих СМИ. Больше беспокойство, однако, вызывают случаи давления на медиа и физического насилия в отношении журналистов. Как отмечается в международном исследовании деятельности постсоветских медиа во время электоральных кампаний, ослабление сильной центральной власти приносит как возможности для демократического развития, так и проблемы. Рост организованной преступности в России породил могущественных врагов гражданских институтов, среди которых и свободная пресса. Ситуация

существенно осложняется тем, что в постсоветской России установить связи между властями и преступным сообществом весьма непросто. В то время как многие журналисты были убиты, зацепок, позволяющих определить, кто виновен в этих преступлениях, крайне мало. Это посылает другим журналистам ясный и жуткий сигнал о том, что за публикацию своих историй они могут заплатить жизнью. В советской системе были четкие правила и демаркационные линии относительно терпимости к открытости (еще до эпохи *гласности*). Эти границы со временем менялись, но правила были ясны. Постсоветская медиасфера — пугающее и опасное место даже для тех журналистов, которые просто стараются выполнять свою ежедневную работу. Это определило судьбу таких, как Политковская, которая сознательно бросила вызов российскому режиму своей критикой политики в отношении Чечни и поплатилась жизнью.

От советской к неосоветской аудитории. Что объединяет советскую и постсоветскую медиасреду в России, так это особое отношение аудитории. Социологических исследований аудитории в советское время было мало, но на основе современных исследований, в ходе которых участников просили выразить их отношение к медиа, вырисовывается четкая закономерность (Oates, 2006). В фокус-группах и опросах общественного мнения россияне демонстрируют удивительно высокий уровень одобрения масс-медиа со времен, предшествовавших *гласности*. Хотя западных аналитиков поначалу это удивляло и озадачивало, у такого отношения есть объяснение. Несмотря на то, что россияне заявляют о своем недоверии всем репортажам о рекордных урожаях и объемах промышленного производства, идея, лежащая в основе этих репортажей, вызывала у них уважение. Новости должны были «вести», а не описывать; подчеркивать хорошее в советском обществе и не замечать плохое. Медиа давали понятный, недвусмысленный посыл о советских ценностях, вызывая у аудитории чувство удовлетворения и гордости за свое общество. Хотя исследования современной российской аудитории свидетельствуют об ее интересе к более широкому спектру медийных предложений и удовлетворенности фактом его наличия, для аудитории также ценна и фундаментальная роль медиа как института, который направляет население (а не ставит под сомнение или подрывает устои). В частности, людям важно, чтобы медиа играли стабилизирующую

или даже вдохновляющую роль в то время, когда Российская Федерация переживает период своего становления. Это позволяет объяснить, почему россияне неуклонно выбирают государственный Первый канал в качестве любимого и пользующегося наибольшим доверием источника новостей — доверием даже большим, чем другие политические институты в стране.

На первый взгляд, такое отношение противоречит западным представлениям о роли медиа в обществе (с учётом всех ценностных расхождений, существующих в западных теориях либертарианской и социально-ответственной медиасистем). С другой стороны, жизненные установки россиян, выявленные в процессе изучения аудитории российских медиа, могут пролить свет на аналогичные проблемы на Западе. В Соединенных Штатах исследователи медиакommunikаций отмечают, что СМИ не смогли оспорить позицию администрации Буша по поводу необходимости «войны с террором» после событий 11 сентября. Несмотря на отсутствие связей с Аль-Каидой или убедительных доказательств существования оружия массового уничтожения, американская общественность (и Конгресс) поддержали повторное вторжение в Ирак. Американским журналистам было чрезвычайно сложно ставить под сомнение этот медийный фрейм как из-за собственного чувства яростного патриотизма, так и из-за нетерпимости к тем, кто выражал недоверие действиям президента в столь эмоциональное для страны время (Entman, 2003; Hutcheson et al., 2004; McDonald & Lawrence, 2004). Строить предположения о том, что медиасферы в США и России похожи, бессмысленно. Однако, имеет смысл задуматься о роли аудитории в сравнительной перспективе. Российская аудитория медиа существует в мире, который можно назвать «парадоксальным», мире с высоким рейтингом одобрения медиа, которые упускают ключевые факты и подвергают цензуре политическую оппозицию, причем аудитории об этом известно. Однако такое восприятие массмедиа логически обосновывается ключевой ролью последних в создании и в поддержании успешного российского государства. Медийное разнообразие и критика — это роскошь, которая может привести к нестабильности и хаосу. Такое

мнение, основывающееся на опыте правления президента Бориса Ельцина, среди российской аудитории является распространенным (Oates, 2006).

Заключение, выводы

Итак, зададимся вопросом, какова польза от введения понятия неосоветской модели медиа? Прежде всего, оно полезно при размышлении о характере и роли аудитории. Советская аудитория понимала, что новости предназначены не для того, чтобы информировать, а для того, чтобы воодушевлять. Россияне говорят об этом с некоторым огорчением, но одновременно удивительно большое количество людей вспоминают об этом с любовью и ностальгией. Нет ничего более угнетающего, чем шквал плохих новостей, когда у вас нет возможности оказать противодействие или исправить ситуацию.

Понимание данной особенности российской аудитории позволяет нам лучше понять отсутствие беспокойства и протеста по поводу ограничения в России свободы медиа. Даже силовая смена собственника и редакционной политики на НТВ в 2001 г. вызвала относительно слабый протест (хотя довольно трудно установить, в какой степени он получил освещение). В то же время постсоветская медиасреда имеет много общего с медиасредой советской. В частности, широкое распространение самоцензуры и отсутствие правовой защиты свободы слова и СМИ в России являются отражением именно природы советской системы.

Что делает систему «неосоветской» в противоположность «советской», так это набор новых инструментов контроля и давления на журналистов, особенно рыночной природы, а также мизансцен преследований и насилия. Хотя номинально существует некоторая медийная вариативность, истинного разнообразия мы не видим. У массмедиа практически нет возможности значимым образом оспаривать центральную политическую линию или содействовать развитию движений на низовом уровне. Таким образом, российские медиа опять выступают в роли инструмента элит, а не «сторожевого пса», действующего в интересах народных масс.

References

- Bennett, L.W. (2000). *Media Power in the United States* (Curran, J. & Park, M-J., Eds).
- Curran, J. & Park, M-J. (2000). *De-Westernizing Media Systems*.
- Dahl, R. (1989). *Democracy and its Critics*. Yale University Press.
- Entman, R.M. (2003). Cascading Activation: Contesting the White House's Frame after 9/11, *Political Communication*, 20, 4.
- European Institute for the Media (2000a). *Monitoring the Media Coverage of the December 1999 Parliamentary Elections in Russia: Final Report*. European Institute for the Media. <http://www.media-politics.com/eimreports.htm>
- European Institute for the Media (2000b). *Monitoring the Media Coverage of the March 2000 Presidential Elections in Russia: Final Report*. European Institute for the Media <http://www.media-politics.com/eimreports.htm>
- Graber, D. (2005). *Mass Media and American Politics* (7th ed.). Congressional Quarterly Books.
- Habermas, J. (1989). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Polity.
- Hallin, D. & Mancini, P. (2003). *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge University Press.
- Huntington, S. (1991). *The Third Wave: Democratization in the late 20th Century*. University of Oklahoma Press.
- Hutcheson, J., Domke, D., Billeaudeaux, A. & Garland, P. (2004). US National Identity, Political Elites, and a Patriotic Press Following September 11. *Political Communication*, 21, 4.
- Kachkaeva, A., Kiriya, I. & Libergal, G. (2006). *Television in the Russian Federation: Organisational Structure, Programme Production and Audience*. Internews Russia for the European Audiovisual Observatory. Educated Media Foundation.
- McDonald, I.R. & Lawrence, R.G. (2004). *Filling the 2467 News Hole: Television News Coverage Following September 11th*. The Annual Meeting of the American Political Science Association.
- Negrine, R. (1994). *Politics and Mass Media in Britain* (3rd ed.).
- Oates, S. (2004). *From the Archives of the European Institute for the Media: Analysing the Results of a Decade of Monitoring of Post-Soviet Elections*. The British Association for Slavonic and East European Studies Conference, Fitzwilliam College. www.media-politics.com
- Oates, S. (2006). *Television, Democracy and Elections in Russia*.
- Pasti, S. (2005). Two Generations of Contemporary Russian Journalists. *European Journal of Communication*, 20, 1.
- Schudson, M. (1995). *The Power of News*. Harvard University Press.
- Siebert, F.S., Peterson, T. & Schramm, W. (1963) *Four Theories of the Press*. University of Illinois Press.
- Smyth, R. (2006). *Candidate Strategies and Electoral Competition in the Russian Federation: Democracy without Foundation*. Cambridge University Press.
- Sparks, C. (2000). 'Media Theory After the Fall of European Communism: Why the Old Models from East and West Won't Do Anymore', in Curran, J. & Park, M-J. (eds).
- Voltmer, K. (2000). Constructing Political Reality in Russia: Izvestiya—Between Old and New Journalistic Practices. *European Journal of Communication*, 15, 4.